

воспринимается представляется, вспоминается через призму экзистенции, поэтому его культурная историчность, его прошлое становится актуальным постольку, поскольку надиндивидуальное проявляется в индивидуально-субъективном.

Городское сообщество как коллективная историческая индивидуальность и всякий его обитатель и очевидец – в резервах памяти города. Каждый оставил памятный отпечаток своего присутствия в бытии города. Однако есть имена, которые идентифицируются с Местом и становятся неотъемлемой частью восприятия города и памяти о нем. Эта связь воплощают идею «взаимной памяти». Образ города являет себя сквозь призму творческого гения, его имени. И хотя память каждого способна воссоздать нарративный коллаж эйдетических образов места, память гения, облекая в художественную форму фрагменты прошедшего восприятия, в резонанс коллективной памяти помещает мнемический образ в анналы всеобщей истории культуры. В лице художника, как бы предопределяя проявление *Genius loci* сквозь мистерию творчества, проявляется память города, как будто реализуя стремление к расширению пространства и овладению временем, рождая ассоциации: Петербург Ф.М. Достоевского, Барселона А.Гауди, Витебск М. Шагала...

Именами маркирован городской ландшафт, начиная от антропонимов, мемориализованных в памятниках, бюстах и мемориальных досках, названиях улиц, площадей и общественных мест, и заканчивая ничем не примечательными урбанонимами (например, названиями на магазинных вывесках). В именах раскрывается потенциал исторических мест. Имя всякого места, заполняющего резервы памяти исторической индивидуальности города, метафорически можно определить как ключ к познанию и сопереживанию единства души и тела города. Имя места – проводник идеи и истории места, посредник между местом и его познающим и вспоминающим субъектом.

Список использованных источников

1. Лосев, А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 269 с.

УДК 172.15:94(470)

ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 1930-Х ГГ. – ОСНОВА ПАТРИОТИЗМА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Асс. Субботин А.А.

Витебский государственный технологический университет

Советский менталитет периода сталинизма можно считать одним из ключевых, если не главных, факторов проявления активизма людей в общественной или производственной сфере в условиях форсированной индустриализации. Социально-психологические черты советского общества 1930-х гг. станут в дальнейшем и основой для патристического подёма в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны.

Ментальность или менталитет (от латинского *mens, mentis* – ум, мышление, образ мыслей) представляет собой совокупность социально-психологических установок, автоматизмов и привычек сознания, которые формируют способы видения мира и воображения людей, что принадлежат к тому или иному социально-культурному сообществу [1, с. 74]. Менталитет в зависимости от исторических условий развития общества влияет на характер социального поведения человека определённой эпохи во всех сферах деятельности, предопределяя в некоторых случаях ход исторических событий и являясь одной из движущих сил социальных процессов.

В течение нескольких лет существования советской власти шло и складывание мирозерцания советского человека, возникли его характерные ментальные черты: ценностные отношения к труду, обязательное выполнение призыва партии, стремление

преобразовать существующую действительность. Эти ментальные черты в годы первых пятилеток приобрели специфические формы практической деятельности людей. В интенсивной ломке старых производственных норм заключался стимул революционной перестройки экономики, под которой подразумевалась и ломка всего старого, что существовало в обществе. Прежние комплексы революционной, вооружённой борьбы с окончательной целью победы над старым миром выражались у трудящихся в работе, где состязание за высокие темпы развития производства с итоговыми повышениями производительности означала победу нового мира, новой социальной реальности. Например, в выступлениях колхозниц Полоцкого округа замечаются такие словосочетания, как «начало большого дела», «наша победа», «борьба за тонну волокна» и другие [2, л. 412].

Кроме корней революционности мотивы трудового героизма рабочих и колхозников, как и большинства советских активистов, лежали в мифологическом мирозерцании рядового человека. Эта мифологичность берет своё начало в глубинных доиндустриальных, традиционных способах восприятия мира, когда человек представлял окружающие его реалии в виде целой системы образов-символов, которые через коллективную память начинают проявлять себя и в советском обществе. Одной из основ социального поведения любого советского активиста в разных сферах деятельности является восприятие вещей не такими, какие они есть, а какими они должны стать и станут. Один из бывших советских активистов вспоминал: «Несмотря на материальные трудности, как, например, нехватку продовольствия, особенно острое в то время, ни я, ни окружавшая меня молодёжь не испытывала никаких антисоветских чувств. Мы просто находили оправдание всем трудностям в том героическом напряжении, которого требовало строительство нового мира... Атмосфера бесстрашной борьбы за общее дело – пуск завода – захватывала наше воображение, пробуждала в нас энтузиазм и как бы ставила нас на передовую, где о трудностях забывали или не обращали на них внимания» [цит. по: 3, с. 49].

Как результат, для социального поведения человека 1930-х гг. наиболее ярким проявлением стал его трудовой энтузиазм, который основывался на революционности менталитета. Важной чертой менталитета был коллективизм, где осуществление общих интересов становилось на первое место и преобладало над индивидуальным началом. При этом немаловажное значение на характер поведения оказывало представление человека о власти, сформированное в рамках становления культа личности Сталина и реальной поддержки его со стороны трудящихся. Все перечисленные черты менталитета сохранились и нашли своё отражение в патриотизме антисоветского народа в годы Великой Отечественной войны, где стремления революционных преобразований перерастали в самоотверженную борьбу за сохранение достижений советского государства. Соответственно пространственно-временные представления советского человека определялись в условиях войны в острой необходимости, не теряя ни минуты, не отдавать врагу ни пяди своей территории, достичь окончательной победы. Осознание пространства СССР как своего личного пространства выливалось в проявлении защиты именно советской Родины. В свою очередь коллективизм сознания 1930-х гг. заложил идею достижения победы над врагом общими усилиями, всей страной.

Список использованных источников

1. Дубянецкі, Э. С. Менталітэт / Э. С. Дубянецкі // Беларуская энцыклапедыя. Т. 10. – Минск, 2000.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 10061. – Оп. 2. – Д. 75.
3. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпарк. – Москва, 2001.